

Повторение Танго

Привычка, этот инструмент человеческой лени, благодаря которой экономится жизненная энергия, позволяет забыть даже о том, что мы живы. Привыкнув жить, мы не часто вспоминаем об этом, редко, — когда душа полна чувств, а это, как говаривал самый неклассический классик Кант, — удивительное чудо, душа, полная чувств. Каких же чувств? Не просто таких или других, а именно — чувства полноты жизни. Вот и тавтология. Мы чувствуем полноту жизни, когда ее чувствуем. И это требует борьбы с привычкой жить...

Чувство полноты жизни в современную эпоху — одно из самых дефицитных. Духовные практики, способствовавшие ему в традиционных обществах, становятся чем-то маргинальным, эстетика постмодерна отовсюду говорит лишь об утратах, научное творчество и т. п. практикуются узким кругом интеллектуалов, а для «обычных людей» все чаще предлагаются виртуальные и масс-медийные технологии. Эффекты реальности поставлены на поток масс-медиа и пользуются большим спросом. Телесные практики особенно заметно расширили свой арсенал. Среди популярных современных технологий реального — экстремальные виды спорта и просто поиски экстремального. Описана даже патологическая практика причинять себе телесные увечья в борьбе с невыносимым страхом восприятия себя как несуществующего (С. Жижек о движении «каттеров»).

Но есть и менее «вредоносные» практики, которые трудно однозначно отнести к какому-то одному из этих видов, вызывающие, однако, нечто вроде «привыкания», зависимости. Танго в их числе. Говорят, экстремалы, «подсевшие» на аргентинское танго, бросают свой экстрим. Танго родилось в конце XIX века в бедных кварталах Буэнос-Айреса, куда съезжались эмигранты со всего света. Покинутая родина, расставание с близкими и любимыми, жажда счастья, одиночество и потребность в человеческом тепле... Добавьте к этому то, что на 20 мужчин здесь приходилась одна женщина, — какой сплав страсти, тоски, надежды, радости, горечи, счастья и

печали вы получите? Приживаясь в крупных современных мегаполисах, танго как нельзя лучше подходит к современной урбанистической ситуации всеобщего смешения, потерянности, одиночества. Танго, национальное культурное достояние Аргентины, становится всеобщим увлечением — лектством и образом жизни.

В танго-литературе описываются три стадии танго-зависимости — легкая, средняя и тяжелая. Придуман и международный термин — «танго-эдит», то есть танго-зависимый. Это люди, в поисках повторения танго, мигрирующие с фестиваля на фестиваль, превратившиеся в ищущих неизвестную родину путников, маргиналы, мучимые ностальгией, гурманы, снедаемые жадой и не знающие насыщения, избранный народ в поисках Земли Обетованной... Танго-зависимость — предмет размышлений тангоманов, которые и сами не поймут ее причин. Обычное увлечение танцами не идет ни в какое сравнение с интенсивностью танго-зависимости. Танцевально-двигательная терапия, одно из популярных направлений в психологии, использует эмоциональную наполненность танца для коррекции каких-то симптомов. Почему люди вообще танцуют и зачем — отдельная и необозримая тема. Но вот почему они танцуют танго? Танго — ни с чем не смешивающееся и стоящее особняком, имеющее только ему присущие формы социального бытия? Танго, так успешно конкурирующее с экстремальным спортом? Танго большого города, похитившее у секса его остроту?

Междумирье

Мартин Бубер говорил, что есть волшебный ключ, открывающий событие Встречи, — сказать «Ты» всем существом. Нет никакой обособленной «внутренней» сущности «Я», Я есть или в модусе Я-Ты, или в модусе Я-Оно. «Пока небо Ты распахнуто надо мной, ветры причинности прильнули к моим стопам, и круговорот судьбы замер», — так он писал, говоря о прекращении действия мира Оно, с его многообразием черт, признаков, причин, с его временем, с его пространством, с тем, что может быть «моим» или «его», с тем, о чем можно говорить в третьем лице.

Междумирье Я-Ты — не «во» времени, но впервые рождает время, не «в» пространстве, но впервые учреждает место и уместность, очень по-хайдеггеровски пишет Бубер, хотя Хайдеггер писал так о разомкнутости бытия в присутствии, Бубер же — о событии Я-Ты: не получится присутствовать иначе, как перед лицом Ты, по Буберу. Свой топос, свое — не отличимое от вечности — время, создаваемое смещением точки этой мимолетной гармонии, какое-то особое, не допускающее ничего внешнего, место — не то, «куда» можно попасть, а то, которое само возникает там и тогда, где и когда появляются небожители, — боги обитают в междумирьях, как полагали эпикурейцы. Но как попасть в этот зазор между мирами Оно? (Мир Оно возвращается — невозможно долго держаться в Я-Ты). Как это — «сказать Ты всем существом»? Бубер: «небо Я-Ты размыкается «волей и милостью». Нет гарантий. Ведь можно говорить «Ты», а иметь в виду «Оно»...

Но что это за слово, которое — не слово, которое выпадает из порядка артикулированной речи? Не ближе ли к простоте Ты не мистическая глубина взгляда или слова, а что-то внешнее — касание, осторожная бережность прикосновения?

Непредустановленная гармония

Танцующие танго не верят в предустановленную гармонию двух извечно созданных друг для друга половинок. Вопреки этому они упорно устанавливают каждый раз новую вечную гармонию — она возможна всегда, ну, почти всегда — в этом братстве, в этой своеобразной общине практикующих мимолетную вечность. Чтобы гармония установилась, не нужно внутреннего содержания с его тяжеловесностью. Не нужна и красота зрелища — в танго нет зрителей как таковых. «Личность», «лицо», «имя», «образ», «глаза — зеркало души» — все это как бы мешает. Только внешнее пространство с его стихией несущественных различий и движения.

Достаточно этой стихии внешнего — пространства этого зала или этого кафе, двинуться по этому полу, дыхания, музыки, задающей тему вариации и фигуру времени и ритма, чьих-то принесенных музыкой чувств. Вдох-вовлечение и выдох — начало движения, вдох — пауза. Пауза: почувство-

вать вес, на какой она ноге, чтобы пойти с ее свободной ноги. Ходить приходится ее ногами — сначала неудобно. Каждый шаг начинается заново, с нуля, все может измениться с любого шага. Хороша партнерша, которая чутко ждет нового, не предвосхищает, не угождает. А партнер: приглашает — и следует за ней, ее возможностями и ее пониманием. Настоящий мачо: решительность и внимание, энергия и следование, — ей должно быть удобно в объятии, чтобы можно было закрыть глаза и, расслабившись, сосредоточиться на том новом, что исходит от партнера, музыки, настроения, на том, из чего ткется этот всегда новый узор. А потом — удивление: как оказалась в этом месте зала? Легкость шутки, простота объятия, все мимолетно и необязательно. Невинно. Мы встречались, кажется? Забыла, как тебя зовут... Только танго и то, что случится внутри него, имеет значение. Это медитация, молитва, жизнь, поставленная на карту трехминутного трека. Все закончится вместе с музыкой, но вот она звучит — и внутри, в этом междумирии, удерживаемом объятием, что-то происходит только для меня. Любопытно, что Данте называл найденную им совершенную форму поэтической речи, «мусически» подчиненную законам ритма, «объятием мысли».

Повторение танго — попытка поймать мышку этого мерцающего существования за хвост, а она всегда уже убежала... Но точно была!